

Во всех отделениях связи продолжается подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге «Почта России» – 54713, цена подписки – 98 руб. 40 коп.

ПАНОРАМА

Виктору Логинову – 85!

Творческая встреча, посвящённая 85-летию известного кубанского писателя Виктора Николаевича Логинова, прошла в Краснодарской краевой универсальной научной библиотеке имени А.С.Пушкина. Читателям была представлена новая книга юбиляра «Разноцветные страницы, или рядом с Пырьевым», изданная при содействии администрации хутора Марьинского, Калининского района, где проходили съёмки фильма «Наш общий друг», по сценарию Виктора Логинова и режиссёра Ивана Пырьева. В книгу вошли воспоминания кубанского писателя о совместной работе с прославленным кинематографистом, сценарий фильма.

В гостинной библиотеки царил тёплый дружественный обстановка. Виктора Николаевича пришли поздравить коллеги по перу, друзья и читатели. Хор «Веснянка» музыкального колледжа имени Н. А. Римского-Корсакова исполнил для юбиляра его любимые русские народные и казацкие песни.

(Продолжение на стр 3)

В круге любви Николая Зиновьева

В рамках XII международного фестиваля православных фильмов «Вечевой колокол», который прошёл в Краснодаре, состоялась презентация книги Николая Зиновьева «Круг любви и родства». Имя поэта широко известно в России и далеко за её пределами, без него невозможно представить сегодня в полном объёме картину современной русской поэзии. Высокая духовность, требовательность к самому себе и окружающему миру, бескомпромиссность оценок происходящего, выраженные с присущей Зиновьеву лаконичностью – вот главные черты его творчества, в полной мере представленные в новом

сборнике.

Н. Г. Пугачёва, руководитель департамента культуры Краснодарского края, поздравляя поэта со сцены малого концертного зала Кубанского казачьего хора, отметила, что мрачный «Призрак оптимизма» (под таким названием вышел сборник стихов к юбилею поэта) сменил «Круг любви и родства», и это не может не радовать. Книга издана по инициативе и указанию губернатора Краснодарского края А. Н. Ткачёва и будет направлена в библиотеки края.

В. В. Касьянов, глава департамента СМИ и телерадиокommunikаций, назвал Николая Зиновьева поэтом, который нашёл образы,

близкие всем современникам. Каждая строчка его книги заставляет задуматься, становится ориентиром в духовном росте гражданина, семьянина и россиянина.

В. Г. Захарченко, руководитель Кубанского казачьего хора, автор песен на стихи Н. Зиновьева, уверенно назвал поэта «великим, глубоко народным талантом». Вспомнив слова Никиты Михалкова о том, что мы прохотали Россию, Виктор Гаврилович отметил: «Но есть ещё люди, думающие о России сквозь слёзы. Именно через эти слёзы приходит очищение. И пусть книга Зиновьева станет для вас настольной книгой».

Собинфо

Праздник музыки и слова

За высокими окнами литературной гостинной Пушкинки, так любовно горожане называют краевую библиотеку им. А. С. Пушкина, осень щедро сыпала золото листьев на мозаику тротуаров, на прохожих, которым неведомо было, что совсем рядом происходит действие, созвучное не увяданию природы, а пробуждению высокой духовности, действо, обращённое к сокровенным, самым тонким струнам человеческой души. Это прозвучало и в названии встречи – «Литература и мы: попытка пробуждения...»

Хозяйка литературной гостинной Елена Захарова, тепло поприветствовав собравшихся, а это была в основном молодёжь, передала ведение литературно-музыкального концерта Валерию Петровичу Опитцу, заслуженному работнику культуры Кубани, преподавателю Северского колледжа культуры. Невозможно удержаться от реплики: «Как же повезло этим учащимся, что в

начале пути им встретился такой человек, такая личность!» Это был блистательный каскад: мастерство декламации, артистизм, искры юмора, соль иронии – всё, без чего творчество покажется пресным. В его исполнении стихи Ивана Бунина и Афанасия Фета прозвучали так, будто их слышишь впервые.

Сама идея концерта, его программа принадлежит заслуженному работнику культуры России, члену Союза композиторов России и Союза журналистов России Игорю Моисеевичу Корчмарскому и приурочена к знаменательным датам – 140-летию со дня рождения И. А. Бунина и 190-летию А. А. Фета.

Говорили о культуре, звучали стихи наших великих соотечественников и романсы, музыку которых создал И. Корчмарский. Исполнителями были заслуженный артист России Александр Иванович Плахтеев, студенты консерватории – выпускники

профессора В. С. Бурылёва – Елена Маркова, очаровавшая всех великолепно поставленным голосом и красотой, Азек Сланов, заставивший мощью и одновременно сдержанностью исполнительской манеры вспомнить о необыкновенной музыкальности осетинского народа, подарившего миру Валерию Гергиева, Юрия Темирканова, Веронику Дударову.

Прозвучали романсы на стихи И. Бунина и А. Фета «Ива», «Морозное дыхание метели», «Родник», «Облаком волнистым» и другие в сопровождении концертмейстера Светланы Семёновой.

Особые слова хочется сказать об участнице концерта, лауреате многих вокальных фестивалей, замечательной певице Тамаре Андреевне Фомишиной. Если кто-то хоть однажды слышал в её исполнении знаменитый романс «Соловей мой, соловей», тот навсегда запомнил и чудный голос, и одухотворённый облик, который так лю-

бовно щадит время. В концерте никого не оставило равнодушными исполнение певицей романса на стихи А. Фета «Кот поёт, глаза прищуря...». Тамара Андреевна уже полвека в добровольном плену вокального искусства, и ей было что поведать молодым. Профессиональными секретами поделились все участники этого уникального концерта. В. С. Бурылёв признался, что в период работы над четырьмя романсами И. М. Корчмарского со своими студентами он влюбился в эту музыку.

В заключение сам композитор выразил надежду, что подобные встречи будут повторяться, так как он продолжает создавать музыку не только к произведениям классиков, но и к стихам кубанских поэтов. Он как будто угадал, уловил настроение слушателей, уносивших в своих душах волшебство слов и мелодий.

Нелли Василинина,
член Союза писателей России

Поэзия

Борис Стариков

***

Пока в безликой прорве дней
Вновь ищешь смысл и радость жизни,
Ты в блеске тысячей огней
Люби огонь своей Отчизны.

Не верь, мой сын, чужим словам,
Что наша Родина убога.
Она нужна не им, а нам.
У каждого своя дорога.

Поверь, с вершины горьких лет,
С тобою спорить не берусь я,
Но Бог, творя великий свет,
Назвал наш край Святою Русью.

***

Русь моя ослабела от боли,
Без любви и хороших речей,
Став покорной, она по неволе
Поит всех как весенний ручей.

Дышит запахом прелого хлеба.
В рельс стучит, когда ждут поезда.
От того вновь на панцире неба
Сквозь слезинку двоится звезда.

И не надо ни денег, ни славы,
Ни любви колдовского огня.
В кандалы из осеннего сплава
Снова грусть заковала меня.

Я теперь вдоль реки и дороги
Распластался травой на лугу,
Здесь акаций корявые ноги
Мнут меня на пустом берегу.

Только сердце не чувствует боли
И не слышит ни всхлипы, ни вой.
Может быть, оно стало как поле,
Смотрит в небо сгоревшей стерней.

***

Нет совершенству предела,
За занавескою дней.
Небо над облаком белым
Светится пылью огней.

Что это? Может дорога
В новый неведомый край,
Где по велению Бога
Рядом с чистилищем рай.

Ночью в стареющем теле
Сердцу больней и больней.
Нет совершенству предела
За занавескою дней.

***

Забыл звонить и не пишу.
Прошу, прости меня за это.
Подсолнух словно море света,
Я только им сейчас дышу.

А по соседству на полях
Ржавеет спелая пшеница.
На ней столбы стоят как спицы
И вяжут время в небесах.

В дали стерня горит до срока.
Струится в небо синий дым
А мне, что стал уже седым,
Кричит болтливая сорока.

***

Остыв от колдовского зелья,
Поверь, обидеть не хочу.
Тебе так хочется веселья,
А мне оно не по плечу.

От ласк устали мои руки,
В душе нет чистого огня,
И не тревожат сердца звуки,
Как прежде, грешного меня.

Я вижу, ты грустишь об этом,
Пытаясь отыскать ответ,
А это просто, ночью лето
Мне не зажгло весёлый свет.

***

От тишины на сердце пусто,
Забыв последние слова,
Как переспелая капуста
На хряпке шеи голова.

Она всегда не без изъяна
Пора ей грешной на покой...
Цветами сладкого дурмана
Туман ей снится над рекой.

***

Покой твоих красивых глаз
Меня волнует, как и прежде...
Я не хочу тебя в одежде,
Ты красивее без прикрас.

За кружевами ярких звёзд
Моя душа не видит рая
И молча в теле умирает,
Как умирает в клетке дрозд.

В душе веселье прежних лет
Воркует о блаженствах ночи,
А я, как будто между прочим,
Ищу любви ушедшей след.

***

Проплывая, осенний туман
На лугу зацепился за травы,
А бессонницы звёздный обман
Побледнел как лицо от отравы.

Бесконечность неведомых лет
Пролетает со скоростью света.
Только тихо звенящий рассвет
Сонно дышит остатками лета.

И спасаясь от гнуса веков,
Убежавшие к речке из стойла
Камыши, словно стадо быков,
Пьют зори забродившее пойло.

Тихо плещется речка моя,
Утром звуки от шелеста грубы,
Это видимо Время – змея
Точит в ней ядовитые зубы.

***

Сегодня вид небес обманчив,
А тучи как степной ковыль
И солнца легкий одуванчик
Припудрила земная пыль.

Засохла даль на горизонте —
Душе от этого больней —
И хочется подставить зонтик
Под капли отшумевших дней.

А до звезды, в конце аллеи,
Вздымая впалые бока,
Коза о детстве громко блеет,
Просья у неба молока.

***

Не развлекай меня, не надо.
Ты так беспечна и легка.
И невеликая награда
Ласкать бездумно старика.

Я отшумел, дав волю нервам,
Теперь болезненен и сед,
А может доллары и евро
Тебе затмили в жизни свет?

Да и себе, теперь я значу
Лишь тем, что вовсе не богат.
И от любви давно не плачу,
А ты, пожалуйста, поплачь.

Поплачь по детски, неумело,
Забыв про грешные дела...
Смотри как роща потемнела,
А ведь вчера ещё цвела.

Вячеслав Динька

НЕЧАЙНАЯ ПОБЕДА

(баллада)

I

Вьюн-травой тропа повита
Вдоль реки журчащей.
Тихо топали копыта
Через хутор спящий.
Молча ехали казаки
Маленьким отрядом,
Их ленивые собаки
Провожали взглядом
Их казачки провожали
Погрустневшим оком —
Занавесочки дрожали
У родимых окон...
Уезжать такую раню —
Было их уловкой,
Чтобы тайно в закубанье
Сведать обстановку,
Чтобы хитрые шпионы
Не предупредили,
Чтобы подлые препоны
Не нагородили.
Пели утренние птахи,
Багровели маки...
Заломив свои папахи,
Ехали казаки...

II

Долго ль ехали иль мало
По долине спящей,
Проходили перевалы,
Пробивались чащей.
В этом поиске свободном,
Меж горой и лесом
Им, усталым и голодным,
Встретились черкесы.
Шумно ехали черкесы
Крупною ордою,
И любой казался бесом
С чёрной бородою.
Веселились. Гарцевали
Грозно и красиво —
То в бока коней пинали,
То ласкали гривы.
Дол от шума содрогался,
Пыль клубилась тучей,
Пар, взвихряясь, поднимался
От коней могучих...

III

В рощу спрятались герои,
Стали препираться —
Мол, с таковскою ордою
Невозможно драться.
«Нас пятнадцать, их же триста —
Не лопат, не грабель,
А лихих кавалеристов,
Да преострых сабель!»
«Надо, братцы, так убраться,
Будто ветром сдуло.
Разве можно сомневаться?
Спросим есаула...»
Есаул взглянул сурово,
Подтянул подпругу,
И своё промолвил слово
Вовсе без испугу:
«Рыба в страхе уплывает
Далеко от суши,
Заяц прытко удирает,
Сберегая уши,
Барс без дела не дерётся,
Волк опасно крадётся,
Хоронятся совы...
Что ж, и нам не остаётся
Ничего другого?
Если звери осторожно
Избегают драки,
Их понять ещё возможно —
Звери не казаки...
Раз кому-то страшновато,
Так зажмурьте очи,
Если ноги, словно вата —
На лошадок вскочим!
Нас — по счёту — слишком мало,
Чтобы с ними драться,
Да казакам не пристало
Счётом заниматься!»
Хоть слова его звучали
Неприкрыто грубо,
Но казаки закричали:
«Любо! Любо! Любо!»

IV

С грозным гиканьем и свистом
(Свойственным казаку)
Понеслись кавалеристы

В гневную атаку.
Словно вихрь, сминая травы,
Мчатся без оглядки
На огромную орду —
Полтора десятка!
Грозно выставлены пики,
Сабли возлетают,
И воинственные крики
Воздух сотрясают...
Но черкес всегда спокоен
И готов сражаться —
Не таков он, горский воин,
Чтобы испугаться!
Но однако, но однако...
Как же это случилось,
Чтоб лягушка, как собака,
На коня кидалась?
Чтобы куры заклевали
Хищную кунуцу,
Чтобы зайцы искусили
Хитрую лисицу?!
И с тревогой позабытой,
Молча я угрюмо,
Крепко думали джигиты
Тягостную думу:
«От лучей с восходом солнца
Хоронятся совы,
Барс без дела не дерётся,
Волк опасно крадётся,
Спрятаться готовый.
Заяц шустро удирает,
Сберегая уши,
Рыба в бурю уплывает
Далеко от суши...»
«Что же — думали черкесы —
Этим дурням надо?!
...Видно там, за тёмным лесом,
Спрятана засада!
Видно, скрытно угрожают
Хитрыми силками,
Видно, тайно окружают
Мощными полками!
Разве можно доверяться
Этим псам бродячим?
Ох, не надо поддаваться
Хитростям казачьим!»
И орда мгновенно скрылась
В тёмные ущелья,
Только долго пыль клубилась
Жёлтою метелью...
Удивлённые казаки
Даже растерялись —
Всё в глухие буераки
Заглянуть старались,
В лес опасно глядели —
Ждали нападения,
Всё поверить не хотели
В чудное спасенье...

V

Вечер пал. Умолкли птахи,
Облетели маки;
Заломив свои папахи,
Ехали казаки.
По тропе у тихой речки,
Через хутор спящий,
Где луна мерцала свечкой
На воде журчащей.
Тихо ехали казаки,
Что-то напевали...
Их весёлые собаки
Тявканьем встречали.
Их встречала у дороги
Милая станица,
Растворялась тень тревоги
На любимых лицах...
Развели коней усталых,
Расчесали гривы,
Улыбнулись запоздало —
Всё, остались живы!
Трижды грудь перекрестили
В благодарность богу...
За столы их усадили,
И казаки ели-пили,
Позабыв тревогу...
Выпив чарку, рассказали,
Как они — без бою,
Только свистом — совладали
С грозною ордою,
Как черкесы удирали
От ватаги смелой
(Если что-то и приврали —
Так для пользы дела.)
Уж станичники дивились
Слушая их сказки,
И... всю ночь повеселились
В хохоте и пляске...

ЮБИЛЕЙ

«Поле замерло у ног, не шевельнется, не вздрогнет хотя бы единым стебельком. Оно как будто уснуло, только обманчив его вид. Поле не спит, давно пробудилось, жадно впитывает соки земли, ловит каждым листиком солнечный свет. Растет поле, поднимается пшеница незаметно для глаз, каждую минуту прибывает в росте...»

«Певец Кубани»... Так благодарно назвали наши земляки Виктора Николаевича Логинова, чье имя известно не только в нашем крае, но и далеко за его пределами. Это он, наш Логинов, создал лирические, словно писанные акварельными красками рассказы «Цвет топленого молока», «Алкино море», «Первый, второй», «Через дорогу»... Это его романы «Трудная жизнь в Береговой», «Перед завтрашним днем», «Наследство» признаны лучшими произведениями о послевоенной жизни на Кубани. Это из-под его острого пера увидели свет злободневные публицистические статьи, вызвавшие поток горячих откликов.

Патриотический, дышащий молодостью роман Логинова «Дороги товарищей», изданный в Краснодаре в 1952 году, в одночасье сделал молодого автора известным всей стране, «с южных гор до северных морей». Тогда ему было 26... а сегодня нашему писателю Виктору Логинову исполняется 85 лет! Вся его долгая, плодотворная творческая жизнь с первых шагов, когда он стал осознавать себя как личность, и по сию пору связана с книгой. Недаром одно из его самых проникновенных произведений, в котором он рассказывает о времени и о себе, так и называется: «Книга, жизнь моя...».

«Хорошая, нужная книга творит чудеса, — пишет Логинов в этой доброй и мудрой повести. — Но творит свои чудеса она только тогда, когда переходит из рук с руки. Книга — волшебник. Но, спрятанная от людей на полированной полке, она становится волшебником, запечатанным в кувшине. Миллионы бездействующих у нас волшебников просятся на волю!»

Творят для нас волшебство и книги Логинова. Но, к сожалению, сегодня лишь малые капли огромного моря творчества Виктора Николаевича попадают к читателям. А ведь когда-то его произведения издавались массовыми тиражами. Более сорока книг на счету у нашего писателя. И каких! Его живые герои навсегда остаются верными друзьями в памяти читателей — и взрослых, умудренных опытом, и совсем еще юных...

Логинов наделен редкой способностью помнить и чувствовать детство. Дело тут не в каких-то определенных фактах и событиях из прошлого, а в умении видеть мир глазами ребенка. Взрослые и дети смотрят на мир по-разному. Удивительно точно это передано в рассказе «Цвет топленого молока»:

— Какой белый туман! — воскликнул я.
— Какой он белый? — проворчал отец. — Туман как туман. Темный.
— Да белый же!

Отец поскользнулся и выругался. Я перестал настаивать.
После, вспоминая эту дорогу, я раздумывал: мог ли быть туман белым? Может, он действительно был темным? Бывают ли белые туманы ночью? Не знаю...

Каждый ребенок от природы поэт и ху-

дожник. Он мыслит образами. Он видит, как в разрывах белого тумана «звезды высекают искру», что «солнце было похоже на розовые ворота», что туман можно «взвешивать на ладошке»... Но идут годы, краски тускнеют и суровая реальность приземляет жизнь. Мало кто из нас способен до серебряных седин сохранить редкую способность романтического видения мира. А Логинов сумел... Почитайте его лирические рассказы и повести — в них он рисует реальную жизнь с ее терниями и ошибками, ничем ее не приукрашивая, и все-таки в его произведениях жизнь прекрасна. Ведь при всех ее тяготах, она гармонично соединяет в себе чистоту любви, радость дружбы, познания и творчества, вечное стремление к счастью... Тот, кто видит в жизни только грязь и страдания, ничего в ней не понимает. Мужество и благородство побеждают любые несчастья. Более того: тяжелые испытания объединяют людей, пробуждая в них лучшие чувства, дремавшие до сих пор где-то в глубине их души.

Мать Володи Комарова, юного героя повести «Сказание о первой любви» в мирные дни пылает ненавистью к молодой сопернице, родившей ребенка от ее мужа и грозит «выжечь ей глаза». Но вот приходит общее народное горе — война, и женщина, забыв прежнюю обиду, сама посылает сына с продуктами, чтобы помочь несчастной «разлучнице», находящейся в отчаянном положении.

ПЕВЕЦ КУБАНИ

А вот Испания 1939 года... Эта далекая страна стала для мальчика символом борьбы за свободу. «Испания, Испания!» — роман о братстве «не по крови, а по душе». Не случайно в нем, наряду с русскими ребятами, автор с большой теплотой рисует лихого «абрека» Мусу Тухватуллина и еврейского мальчика — умницу, интеллектуала, критика и шахматиста Юзика Шухмана. Пройдут два-три года, и все они пойдут воевать за свободу своей любимой Родины — одной на всех... Какой пример для нас, сегодняшних, раздираемых национальными и религиозными распрями!

Тайна человеческой души, раскрывающаяся в сложных обстоятельствах — вот любимый предмет творческого исследования Виктора Логинова. В центре его внимания всегда стоит человек...

Простая труженица, неграмотная Маняша из романа «Вся жизнь Маняши Витяковой», волнуясь и путаясь в словах, спрашивает сына: «Ну, вот Пашка Кривобокова. Вот дядя Лукьян, Вот я. А что это такое?» И слышит в ответ: «Что такое? Проще простого, мама. Жизнь». — «А зачем?» — упрямо настаивает Маняша.

«...Зачем? Чтобы встать с постели, выйти на крыльцо, вытянуть руки к светлому небу, сказать: «Жизнь!». Чтобы хоть одну книжку написать, чтобы пятерых детей вырастить, в люди вывести. Чтобы заплакать в конце концов вот за этим столом, как дядя Лукьян! Мама, заплакай-то разок — это тоже много стоит».

Смысл жизни — в ней самой. По глубокому убеждению Логинова, жизнь обретает смысл только тогда, когда человек живет

честно, творит добрые дела. Вот почему «вся жизнь Маняши Витяковой», пусть трудная и тяжелая, все-таки была счастливой и имела смысл, ибо она прошла не зря, оставила след на земле. Этому нравственному закону Логинов и сам следует всю свою долгую, творческую жизнь.

«Самое дорогое для меня — мое доброе имя», — спокойно и мудро говорит Виктор Николаевич. Он имеет право так сказать. Долгие годы неустанный творческий труд не принесли ему несметных сокровищ. Его опрятная писательская квартира на улице Мира не поразит гостей роскошью. В ней только то, что необходимо для жизни и творчества... И все-таки он безмерно богат! В квартире Логиновых царят любовь и семейный покой. Верная спутница жизни писателя, Лариса Андреевна, целиком посвятила себя мужу, детям, внукам и правнукам. С ней Логинов счастлив и защищен от любых бурь. Без конца вспоминает он, сколь многим обязан любимой женщине. Единственной... «Не будь ее, не было бы и моих книг», — с глубоким убеждением говорит писатель. Мы верим ему. Кому же еще верить, как не мастеру, показавшему в своих произведениях настоящую, высокую и целомудренную любовь?

Любовь в творчестве Логинова всегда чиста и прекрасна. При этом писатель никогда не переступает грань, отделяющую прекрасное от фальшивой красоты. Любовь делает душу его героев зоркой, и

молчаливая группа — семеро «афганцев», старых фронтовых товарищей Алексея и решительно отстраняют от могилы всех присутствующих. Они имеют на это право: ведь они ему настоящие братья — братья по оружию. Только они одни должны похоронить и оплакать его...

Большому художнику, дано природой видеть будущее, предчувствовать грядущие события, видеть пути, по которым пойдет общество. Логинов не скрывает своей тревоги...

Самым большим злом он считает бездуховность. Сейчас многие говорят о бездуховности, и это слово примелькалось на страницах газет и журналов. А в недавнем прошлом никто об этом и не думал: считалось, что не может быть бездуховности в стране победившего социализма. Но заглянем в журнал «Вопросы литературы» за 1979 год, где опубликован отчет о Всесоюзной писательской конференции на тему «Земля — хлеб — литература». Один за другим на трибуну поднимаются известные советские писатели с горячими выступлениями о земле и хлебе, о том, как растёт благосостояние нашего народа, и как литература отражает эти темы...

Слово берет Виктор Логинов:

— Да, хлеб всему голова, но не хлебом единым жив человек. Нет, не хлебом, не только хлебом! Сытость при бездуховности, пожалуй, страшнее мора. Поэтому настало время во весь голос говорить не только о хлебе, но и о душе, о нравственности...

Как тут не вспомнить роман-дилогию Логинова «Святые и грешные», изданную в Краснодаре в 2002 году. В этом произведении Логинов напоминает своим читателям о необходимости неустанного духовного совершенствования. Душа обязана работать не меньше, а может быть, больше, чем руки или рассудок. Человек должен жить не только ради хлеба насущного, но и, как утверждает писатель, уметь «совеститься, терзаться, страдать, откликаться на тревожный и горестный крик человеческого, откуда бы он ни раздавался». Сытость при бездуховности ведёт к вырождению. Что толку в создании человеком материальных ценностей, если при этом он остается глух к несчастьям ближних? Если он не замечает несправедливости и беззакония в обществе? Как тут не вспомнить пророческий «сон Яругина» — ужасающую картину гибели цивилизации и распада человеческой личности, наступивших на земле вслед за утратой духовности! Ибо она, и только она, делает человекоподобное существо настоящим человеком...

Выдающийся русский писатель, член Союза писателей СССР-России с 1956 года, пятикратный лауреат ежегодной премии журнала «Огонек», лауреат премии им. Россинского, лауреат муниципальной премии им. Знаменского Виктор Николаевич Логинов — литературная гордость нашего края. Его творчество и общественная деятельность высоко оценены: он награжден орденами «Знак почёта» и «Дружба народов», Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР и многими другими почетными грамотами и медалями...

О творчестве Логинова высоко отзывались его знаменитые друзья — Владимир Максимов, Виктор Астафьев, режиссер Иван Пырьев, поставивший кинофильм «Наш общий друг» по повести Логинова «На то она и любовь»...

Но выше всего Виктор Николаевич Логинов дорожит отзывами о своих книгах простых читателей. Их бесхитростные, искренние письма он бережно хранит в своем архиве. Сотни взволнованных, теплых писем... Есть даже с Северного полюса. Для него они — самая большая награда и поддержка, ибо они помогают писателю в трудные «дни мучительных раздумий» о судьбе Родины, рождают в его творчестве проникновенные строки...

«Эх, поле ты, поле! Сохрани свою статью, подними пшеницу, чтобы ее колосья доверчиво прижались к груди хлебороба, чтобы песней зазеленили поле в полдень накануне уборки. Поднимись, поле, встань бронзовой стеной, встань, да так, чтобы дух у творцов твоих захватило! Апрельское поле, поле мечты, поле надежд...»

Людмила Бирюк,
член Союза писателей России

они начинают видеть то, чего не замечали в обычной жизни.

« — Странно... Все-таки я не представляю, где мы сейчас. Кругом лес, лес и лес. Белый лес. Ты замечаешь?

— Зелёный, — прошептала Лиза.

— Это сверху. Но снизу белый. Вокруг нас белое кольцо. Три цвета: белый, зеленый, голубой. Трава, березы, листва, небо. И розовый цвет. Это ты...»

Так говорят герои одного из наиболее поэтичных произведений Логинова — повести «Под облака по косягору». Красота их чувств находится в неразрывном единстве с красотой родной земли, на которой они живут. Но в эту гармонию упрямо врываются призраки, предвещающие начало распада общества. В повести с милым названием «Ку-ку, Мария!» мы видим, как герои вступают в конфликт с подлостью, в результате чего наступает трагический финал.

«Я... спать не могу спокойно, все мои ребята снятся. Живые», — говорит бывший «афганец» Алексей Серов старому репрессированному генералу.

Алексей возвращается на родину никому не нужным, неожиданным, с мизерной пенсией, без профессии, со сквозным пулевым ранением... и видит зловещие перемены в жизни своей страны, о которых, воюя в Афганистане, даже не подозревал. Он не рассчитал коварства скрытых, затаившихся врагов, которые нападают всей стаей, сзади, наносит предательский удар ножом в спину.

Хоронили Серова лишь несколько чужих людей, буднично, без слез и речей. Но вот... внезапно на кладбище появляется

ЮБИЛЕЙ

ДАРЕНОЕ ЯБЛОКО

После долгой разлуки я пришел, наконец, в то село, где родился. Мать всё твердила: съездим да съездим. А я и сам понимал, что пора навестить те места, где я впервые почувствовал, как сладко жить на земле.

Минут десять мы летели и часа три шли сырм лесом, в котором то и дело манили взгляд солнечные поляны.

– Скоро ли? – спрашивал я. – Туда ли мы идём?

– Туда, куда? – отвечала мать. – Что, забыл совсем дорожку, сынок?

Я знал, что родина начинается с дороги. Она всегда начинается с дорог. Они уводят от родного дома. Они и приводят к отцовскому порогу.

В полдень привела нас к цели и эта лесная тропинка.

– Вот и наше село, – радостно сказала мать, и я увидел у неё на глазах слёзы.

Я шёл по зелёной улице, смотрел по сторонам – и ничего не узнавал. Здесь я бегал босиком целых шесть лет. Валялся на этих лужайках. Рвал одуванчики. Бабушка учила меня плести из одуванчиков венки. Целых шесть вёсен и шесть зим ублаживала меня родная сторона своими ветрами. Но я ничего не узнавал сейчас!..

Этот дом?.. Он же был тогда. Эти рябины?.. Они были, были. Эта облупившаяся церковь?.. Она-то уж непременно была. Всё, что доживает здесь свой век, было, стояло, радовало сердце в тихие дни моего детства. Я не мог представить тогда, как длинна жизнь и как горьки на трудном пути утраты!..

– А дома нашего уже нет, – сказала мать. – То ли сгорел он, то ли раскатали по бревнышкам и перевезли в город... Я и сама уже не помню.

– Вот оно что... А я-то думал!..

– Да, – подтвердила мать. – Вроде бы перевезли. А место, вот оно. Видишь, яблонька стоит! Твой дед сажал, а ты вокруг всё бегал. Я ещё помню: картофельную ботву жгли, дымом пахло!..

– Дымом пахло, – повторил я.

Яблоня была корявая: старая и такая большая, что издали я её принял за тополь. Голые сучья торчали в разные стороны, и только в середине зеленела листва.

Мы подошли ближе, и я увидел мужика с топором. Он покосился на нас, подошел к яблоне, поплевал на руки и замахнулся сплеча, словно был уверен, что свалит яблоню одним ударом. Топор смертельно сверкнул на солнце и увяз в стволе. Яблоня зябко задрожала и сбросила сухие ветви.

– Ты зачем это?.. – метнулась мать к мужику.

– Что зачем? – лениво отозвался тот.

– Рубишь к чему?

– Приказ такой.

– Нельзя губить! – возразила мать.

– А чего ее губить, – сказал мужик и опять поплевал на руки. – Приплода лет пять не было. Посторонись, мамаша!

Яблоня затрещала и зашаталась. Мать попятилась, подошла ко мне.

– Вот видишь, как... – прошептала она. Я молчал.

Мужик ударил ещё и ещё. Яблоня затрещала сильнее, поклонилась в нашу сторону, замерла на мгновение и – рухнула. По земле что-то покатило к моим ногам. Я присел и увидел краснобокое яблоко. Оно было тёплое, тугое и тяжелое.

Мужик шагнул к нам, разинул рот и выронил топор, словно узнал.

– Вот что-о!.. – протянул он.

Ветер знакомо скользнул по моему лицу. Мне показалось, что в листьях яблони прошлестело: «Помнишь ли ты? Помнишь ли меня?..»

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Странное дело: когда перечитываешь книгу, самую любимую в детстве, кажется, что перед тобой сокращенный вариант. Но задумаешься и поймешь, что странного в этом нет решительно ничего. В детстве все дороги и дни длиннее. Длинными кажутся даже самые коротенькие книжки.

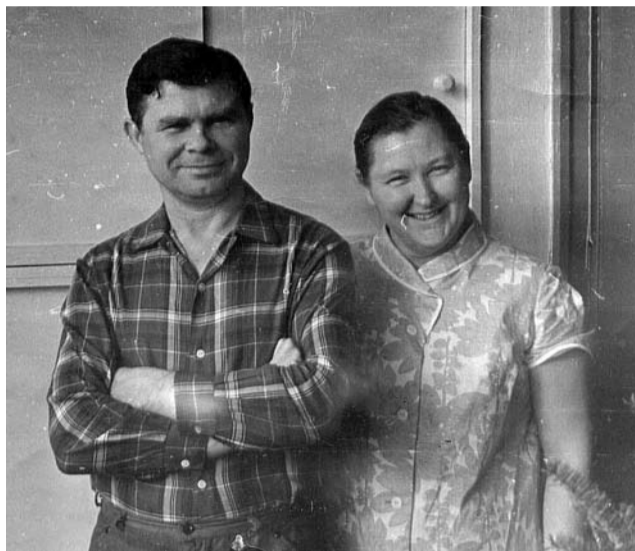
Я отчетливо помню свои длинные детские дни и длинные детские книги. Но дни запомнились мне только через книги. Чтение помогает познать другой, далекий мир. И в то же время оно оставляет на память картины природы за окном.

Какая была погода, когда я первый раз пошёл в школу? Не помню. В тот день я ничего не читал. Выпали из памяти все краски, звуки, запахи и других отмеченных событиями, но прожитых без чтения дней. А то время, которое я провел над раскрытой книгой, осталось навсегда со мною.

Лил и стучал в окна дождь в то утро, когда я читал роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта». На наш деревенский дом набегали из-за леса то серые, то черные облака. В комнате то светало, то смеркалось. А потом вдруг затихло всё, нахлынуло в комнату жёлтое и золотое, согрело мои плечи, заглянуло в книгу. Слово застигнутый врасплох, я вскинул голову и увидел, как буйно сверкает на мокрой земле, на листьях рябин, на крышах соседних домов солнце. Но меня поразило не это ликующее солнце, а бездонное и безбрежное, как море, небо. Стол, за которым я сидел, как по щучьему велению, превратился в корабль. Марлевые занавески на окнах – в паруса. Ветер южных морей надул паруса, и понесся корабль по морю, по небу, по трепетной сини сказочного мира!..

Виктор Логинов

Повесть «Дальние страны» Аркадия Гайдара я читал на печи, где пахло овчинами, старыми валенками и полусгнившими помидорами. Печь топилась, жарко трещали в ее чреве дрова, мягкое тепло веселило остуженную за ночь избу. Прервав на середине страницы, мать послала меня за водой на колодец. И хотя стояла поздняя осень, я, возвращенный к реальности, по летней привычке выскочил босиком. Трава на улице была седой от крепкого утреннего заморозка. Она была упругой и хрустела под ногами. Хрустел и сахарный ледок на лужах. Из всех труб поселка валил дым. Он был сизый внизу, чуть багровый вверху, от него пахло хвоей и щекотало в ноздрях. На этот большой, похожий на нестрашный пожар дым глядели с крыльца соседские девчонки, мои ровесницы. Мимо них я бежал к колодцу, как по осколкам стекла, и был счастлив, что живу, дышу, смущаюсь девчонок, читаю интересную книжку!..

В. Н. Логинов с женой Ларисой Андреевной

САЛОН КРАСОТЫ

Моим внучкам Кире и Вике

В тяжелой череде серых, отягощенных суетными заботами дней нашей жизни выпадает иногда, как чудо, денёк лёгкий и по-своему праздничный, как бы осененный неземной благодатью. Это жизнь поворачивается к тебе своей доброй стороной, и ты готов верить в лучшее, светлое!..

Такой вот денёк случился у меня на неделе. Я – невольный пассажир, едущий на городском транспорте, как никогда раньше, часто. В тот раз двенадцатый троллейбусный маршрут был на редкость спокойным.

В салон на остановке впрорхнули две девушки, совсем юные, лет шестнадцати. Мило улыбаясь, они остановились и пристойно замерли вблизи от меня. От них пахло цветами, садом. Они были красавицами. Всё на них – модная, но скромная одежда, заколки в волосах, украшения – выдавало хороший вкус, всё было к месту. Я не успел на них налюбоваться, как на очередной остановке вошли ещё две юные красавицы, они тоже молча улыбались. А потом – по две, по три – их всё прибывало и прибывало. И юным весенним цветом расцвёл салон. Не чудо ли?

«Неужели те самые выросли!..»

Это я вспомнил о тех семилетних девчушках, которыми любовался приглашенный моей младшей внучкой в детский садик на выпускной концерт. Целых два часа они самозабвенно танцевали и пели, поражая не только своей неугомонностью, но – в ещё большей степени – грацией движений и красотой голосов. На всю оставшуюся жизнь я запомню это такое долгое «чуждое мгновение».

Случай, счастливый случай!.. Салон троллейбуса, превратившийся в райский сад!.. И те малолетки, чудесные артистки!.. В салоне я увидел как бы их продолжение. Я подумал, что они непременно станут такими же. И сколько их в городе!.. А сколько в стране! Как красива наша Россия! Как её любить надо! И как же надо не любить тех, которые замахнулись на её красоту, честь и достоинство!

ЧАРОВНИЦА ИЗ АНАПЫ

Новелла

Лето. Вечер жаркого дня. Тугой песочек, смягченный светлой волной. Город Анапа.

Я немножко волнуясь. Предстоит встреча с самыми маленькими. Они неусидчивые. А я уже подустал. С маленькими разговаривать бы утром, с нерастроченной энергией. Утром у меня всегда лучше получалось. Но расписание составлял не я. Всё расписано было заранее – где и в каком часу. Кто встречает, кто знакомит с детьми. В общем, на диво тщательно было сработано. Но, как обычно, без учёта и пожеланий гостя. Такие пустяки в расчет не брались.

На этот раз меня должны были встречать две девушки. Пионервожатые. Составители расписания уточнили в скобках: обе краснощекие и курносые. Они встретили меня у входа в лагерь и дружно отсалютовали, как старшему по званию.

– Дети ждут! – сообщили хором.

Подготовились хорошо, но это ещё не могло меня успокоить.

– Они хоть знают, что я не космонавт и не разведчик?

– Конечно! Они все ваши книжки уже обхватили!

Это было забавно, но отчасти успокаивало. Хотя не прочли, но обхватили. Гораздо хуже, когда книжка всю свою жизнь пролежит нетронутой. Хорошая книжка обычно обхватанная. Я обрадовался: какое своеобразное, но точное определение подарили мне краснощёкие пионервожатые! И почувствовал прилив новых сил.

Надолго запомнилась мне эта встреча. Скажу определеннее: на всю жизнь. И началась удачно, и завершилась хорошо, о том, как она завершилась, в основном и пойдёт рассказ.

Впрочем, то самое, незабываемое, возникло ещё в самом начале встречи. Это было чудо в образе девочки с обращенными на меня сияющими глазами. Она сидела в первом ряду, такая вся воодушевленная, и безотрывно смотрела на меня. Её глазёнки как зажглись, так и горели всё время. Такие это были восхитительные глазки-незабудки! Завороженный, я сразу выбрал эту девочку и всё рассказывал ей. А поэтому, может быть, и другие слушали, затаив дыхание. Накатило вдохновение, и я в тот раз, кажется, превзошел самого себя.

Я рассказал, как полюбил книги. Как приехал на Кубань. Как отстал от поезда!.. О чём-то ещё рассказывал. Меня долго не отпускали, закидали вопросами. И первой вскопала с места и подняла руку моя возлюбленная незабудочка.

– Вы, когда пишете, в жизни подглядываете или берёте из себя?

Только она, премудрая крохотулька, и могла задать такой гениальный вопрос! Как будто знала, что есть два сорта авторов: одни тщательно списывают с жизни, а другие в основном «берут из себя». Я относил себя к тем, которые «из себя». И постарался объяснить, в чём тут дело. Она просияла, удовлетворенная:

– Я так и думала!

Представьте себе, она именно так и думала!

Прощавшись, растроганный, я уже уходил к морю, когда услышал за спиной шаги. Это бежала она. Догнала, схватила меня за полу пиджака и сказала:

– Я тебя провожу, можно?

Я невольно отметил, как она естественно, по-домашнему перешла на «ты».

Мы вышли к чистому берегу, на тугой песочек. Она всё держалась за полу моего пиджака.

– Далеко провожать хочешь? – спросил я.

– Туда, – показала она рукой вдоль берега. Это означало, что очень далеко.

– Назад-то одна побежишь, не забоишься?

– Ни-и. Я ничего не боюсь, – с беспечной детской уверенностью призналась она. И пояснила, помолчав: – Если всего бояться, то жить-то как страшно! Да здесь и бояться нечего, никто не нападает.

Так это было в то доброе время: никто на людей не покушался. Ни на больших, ни на маленьких. И всё же я обеспокоился: сгущались сумерки.

А она словно догадалась о моей тревоге и с прежней беспечностью заверила:

– Я и темноты не боюсь. И ты не бойся: со мной тебя никто не тронет.

– Я надеюсь.

– Точно, точно! Я тебя за руку возьму, ладно?

– Ну конечно. – Я легонько сжал её мягкую ладошку. В ответ она рассыпала счастливый смех.

Семеняла рядом. Преданно заглядывала мне в лицо. И вдруг спросила:

– А у тебя жена есть?

И получив утвердительный ответ, вздохнула:

– Какая она счастливая!

– Это почему же?

– Да как же! Разве непонятно? Такой муж!

Я не стал спорить.

– Вырастешь, у тебя такой же будет.

– Если бы! Это же так стараться надо!

Забавный у нас был разговор. Она всё расспрашивала. Обо всем. Только не спросила, сколько я зарабатываю. Деньги её совершенно не интересовали. Были бы все такие женщины!

Мы прошли чуть ли не километр, когда я остановился.

– Всё. Скоро стемнеет. Давай прощаться.

– До завтра? Ты ведь придёшь завтра?

Что было делать? Я пообещал, хотя завтрашний день был расписан по минутам, вплоть до отъезда. Она радостно подпрыгнула, я подхватил её на лету, прижал к груди и поцеловал в щечку. И она побежала, всё время оглядываясь и помахивая рукой.

– Приходи-и-и! – услышал я её последнее слово.

Прийти надо было. Обязательно надо было, прийти. Но я, конечно, не пришёл. Обманул влюбленную девочку. Предал. Обманывал и других женщин. И тоже переживал. А потом забыл. А эта крохотулька не забывается. Незабудочкой и зову её до сих пор. «Приходи-и-и!» – слышу из дальней дали её голосок. Не пришел. И наказан горьким сожалением.

Одно утешает: может, недолго переживала моя чаровница, по-детски заигралась и забыла. И выросла на загляденье красивой. И мужа нашла себе под стать, не мне чета. И где-нибудь живёт счастливо, с детьми и внуками – теперь ей, должно быть, уже пятый десяток пошёл. И хорошо, если она меня не помнит. Справедливо. Достаточно того, что я не забыл.

(Продолжение. Начало в №10)

***

О том, что Ирак – теперь ещё одна кровоточащая рана арабского мира, мы говорим с известным писателем, публицистом, постоянным автором «Аль-Джазиры» Фаделем Рубайи. Ныне гражданин Голландии, житель Сирии, он давно покинул свою родину – Ирак. Не в нефти дело, не в мифическом оружии массового поражения, и даже в неоднозначной личности диктатора Саддама Хусейна, претендовавшего на роль лидера арабов, нужно искать причины оккупации. Был за Ираком непрощаемый грешок – ракетные удары по территории Израиля во время войны в Персидском заливе в 1991 году. Потому накануне операции «по демократизации», начатой в 2003-м году, в США и звучали здравые голоса, что «если бы не мощная поддержка идеи войны с Ираком со стороны еврейской общины Америки, ситуация не зашла бы так далеко».

«Наклоняя» Ирак, сильные мира сего, казалось бы, косвенно помогали Тель-Авиву возобновить переговоры с палестинцами на условиях выгодных для Израиля. Не вышло: американцы завязли в этой войне, а арабы не стали сговорчивей. Зато Ирак, древняя земля Междуречья, колыбель мировых цивилизаций являет теперь собой жалкое зрелище: 1 млн 200 тысяч убитых (раненых уже давно никто не считает), 2 млн внешних беженцев, осевших в Сирии, Иордании, Египте, Ливане, 2,5 млн «внутренне перемещенных лиц». «Накба» – «катастрофа», так называют палестинцы трагедию своего народа, изгнанного с родной земли, потерявшего родину и имущество. Новая Накба – иракская, люди бегут из разрушенной страны, и многие не видят никакого другого способа прийти к миру, как только взять в руки оружие.

По мнению Фадея Рубайи, сейчас Ирак стоит на пороге распада, и к этому страна подводилась в ходе всей американской оккупации. Ближайший прогноз писателя неутешителен: вывод войск приведёт к гражданской войне со всеми неизбежными последствиями. Что же касается позиций России в этом регионе, то они всё ещё сильны, но дипломатическое безмолвие неизбежно ведет к потере влияния.

Раздробление Ирака – часть глобального плана по раздроблению национальных государств: «Ирак – тактическая цель, Саудовская Аравия – стратегическая, а приз за победу – Египет». Каждый день в оккупированной стране гибнут люди: по мнению Рубайи, это не свидетельствует о системном ухудшении ситуации (просто потому, что хуже некуда), а выражение политического кризиса. В колыбели мировых цивилизаций идёт последовательная ликвидация «культурного слоя» – в Ираке развернулась настоящая охота за врачами, инженерами, учителями. Методично истребляется национальная интеллигенция, две трети преподавателей вузов уничтожены, убиты более тысячи врачей, 350 писателей и журналистов. Вот такая «демократизация»...

Разговор наш с Фаделем Рубайи получился нелёгким. Вывод писателя неутешителен: «Решение политического вопроса снимет многие проблемы с безопасностью внутри страны. Но прежнего Ирака не будет уже никогда».

***

Нам повезло с погодой – в разгар лета не было палаша, изнурительно зноя. Жарко, за тридцать градусов, но вполне терпимо, если передвигаться по теневой стороне улицы. Но всё-таки до чего же не похожа Иордания на Россию – здесь всё другое – земля, климат, традиции. И потому тоска по родине уже посещает моё сердце – в гостях хорошо, а дома лучше!..

А каково же тем, кто уехал сюда навсегда?!.. Не все наши соотечественники, в отличие от Елены, счастливы в заморских краях. Вот хрупкая женщина в мусульманской одежде торгует товарами с русской маркой – гречкой, сушками, тульскими пряниками, предлагает суслу для кваса: «Национальный напиток, отлично утоляет жажду». Впрочем, реклама не нужна – русские бойко разбирают товар, по Амману уже сорок точек «этнографической торговли». А новообращённая мусульманка – с голубыми грустными глазами, светлым лицом. «Что же вы веру нашу поменяли?» – спрашиваю

В небе над Иорданией

я. «Разочаровалась в православии, искала чего-то более чистого, прочного. Но ислам как теория не совсем то, что практика жизни...»

Дело, конечно, не только в поисках: Иордания государство хоть и светское, но семейные отношения здесь отчасти регулируются религиозными нормами, так что обычно славянские жены принимают веру своих будущих мужей. Не обязательно, кстати, это ислам – в стране есть влиятельная христианская община, включающая около 10 процентов населения.

И всё же главным потрясением для нашей соотечественницы оказалось даже не ношение хиджаба – к этому она была внутренне готова, а тот культурный шок, который она перенесла в Иордании: «Здесь люди практически не читают!.. Только в одной-двух семьях из ста есть книги – у остальных запросы такого рода даже не возникают. Люди работают как заведенные с утра до вечера – деньги главное, надо думать не об абстрактных материях, а о том, как содержать семью. Народ здесь трудолюбивый, это правда. И всё-таки мне тяжело – не хватает культурной среды».

Да, слои арабской гуманитарной интеллигенции весьма невелики, но зато и уважаем в обществе. Нельзя сказать, чтобы местным журналистам и писателям это их влияние преподнесли на блюде – они пером отстаивали свои убеждения, а некоторые реально за них пострадали. На конференции мне показывали людей, которые отсидели большие сроки в тюрьмах, за то, что были коммунистами. Например, один из лучших современных иорданских новеллистов, Хашим Гарайбе, провел в заключении девять лет.

Писатель Монес Раззаз (1951–2002), творчеству которого посвятили форум, был приверженцем социалистических идей, и пришёл к ним вполне осознанно, поездив и посмотрев мир. После окончания школы он некоторое время учился в Оксфорде, изучал философию в Бейруте, закончил Багдадский университет. Аспирантуру в американском университете ему пришлось оставить: по семейным обстоятельствам будущему писателю надо было вернуться домой. В 1994 году Раззаз, уже автор нескольких романов, был избран главой Лиги писателей Иордании. Он был разносторонне одарен: выступал как журналист и обозреватель ведущих арабских газет, был переводчиком, публицистом, политиком, художником (на конференции представили небольшую часть его живописи и графики – мрачно-тревожные, пронизанные экзистенциализмом работы). Писатель рос и развивался, творчество его было одновременно и психологично, и политизировано, он задавался корневыми основами бытия, и не чуждался злободневной полемики. Многие критики отмечали, что Монес, выпуская роман за романом, торопился жить – судьбой ему было отмерено немного времени. Большое влияние на творчество писателя оказал отец – известнейший политик-социалист на Ближнем Востоке, один из основателей партии «Баас».

В книгах Раззаза отражена история распада общечеловеческих ценностей и национальных институтов, улавливается влияние модернистов, есть «перекличка» с Прустом и Джойсом, чувствуется влияние философии Достоевского. Писатель задавался мучительным вопросом: действительно ли арабы, в сравнении с другими цивилизациями, опоздали на «ярмарку жизни»? В чём причины этой исторической инерции? Самые известные его работы, например, «Арабы, потерявшиеся среди небоскрёбов», переведены на английский язык. Но главное, творчество Раззаза пережило самого автора: его романы активно обсуждают молодые читатели на форумах в Интернете, книги переиздаются... Именно культура обладает мощным ассимиляционным зарядом, она может примирить (или разделить), и уж, во всяком случае, позволяет людям из разных стран лучше понять друг друга. К сожалению, произведения «иорданского Юрия Бондарева» пока не переведены на русский язык, так что на конференции приходилось довольствоваться сведениями из докладов: «Биография как вид прозы», «Драматизм в

романах Раззаза», «Страх и слово в прозе писателя»... В любом случае, если до посещения Аммана мои знания об этом авторе были нулевыми, то после форума образ его стал обретать черты определённости.

В один из вечеров семья писателя устроила приём для участников конференции в доме, где жил Монес Раззаз. В просторных комнатах можно было увидеть много книг на арабском и английском языках – тут и энциклопедия «Британика», и тома классиков, и издания коллег по перу, и солидная подборка собственных томов... Пока родственники размещали в одной из комнат угощение, в том числе большие блюда с аппетитным мэнсаф – сваренным особым образом рисом и кусками мяса, гости разошлись по дому, ведя неспешную беседу и дымя сигаретами. Мы сидели на веранде, и разговаривали с филологом, преподавателем Каирского университета Саиедом Бахрави. Он читает курс арабской литературы, живо интересуется тем, что происходит в России. Мнение его таково: «Влияние русской классики XIX века на развитие арабского романа и рассказа огромно. Воздействие нынешних писателей из России на мир – минимально».

Саиед – изящный, худощавый, застенчивый, даже во время рабочих заседаний конференции он не расставался с чётками. Печаль, меланхолия и задумчивость не покидали его лицо, но в этот вечер в нашей компании он повеселел и даже рассказал пару политических анекдотов – все беседы в арабской писательской среде рано или поздно сходятся к устройству социальной жизни... А наутро на нём не было лица – он едва не плакал, так велико было его горе. Умер выдающийся египетский философ, филолог Наср Хамид Абу Заид. Долгое время он пребывал в изгнании – исламистские фундаменталисты не могли простить ему новых толкований Корана. Для Саиеда смерть его учителя – большая и невосполнимая утрата.

Вот такой он, арабский мир – в нём, безусловно, есть люди высокой культуры, есть свои философы и интеллектуалы, есть своя самобытная литература. Это прекрасно известно нашим востоковедам, учёным и переводчикам. Жаль, что голос их почти не слышен в современной России – каток глобализма изрядно проехался по нашим представлениям, и, право, мы от этого не выиграли...

***

Конференция, меж тем, шла своим чередом. Уже от творчества Монеса Раззаза перешли к общим вопросам, таким как «Судьба арабского рассказа в первой половине XX века» – безо всякого перевода по неоднократному звучанию слова «Чехов» в докладе сирийского критика Набиля Сулеймана, можно было понять роль нашего классика в становлении ближневосточной новеллы. Следом разбирали эпопею палестинского автора Сальмана Натура «Шестьдесят лет» о времени, прошедшем после арабо-израильской войны 1948 года. Говорили о «Роли читателя в создании художественного произведения» и о «Голосе автора в некоторых арабских романах». Между прочим, литературу в арабском мире двигали преимущественно левые и коммунисты – это к вопросу о том, что не всякая традиция – благо... Наконец, дошли и до «Темы любви в современной турецкой прозе»: доклад о бестселлере, в котором автор-женщина описывала «сорос принципов любви» энтузиазма у собравшихся не вызвал.

Сообщение, посвященное юмору в коротких сирийских рассказах, рассмешило зал – критик Адель Фрейжат пересказал несколько сюжетов. Одного молодого человека постоянно мучает страх, и он никак не может понять его причин. Оказывается, дело в «Докторе Живаго» – чтение этого романа нагоняет величайшее уныние. «Я тебя больше не буду читать, пусть другие это делают!» – говорит герой автору, глядя на портрет писателя. Другой сюжет политический, совсем из наших реалий: кандидат провалился на выборах, он плачет – за него не отдали ни одного голоса. Вызывает к спра-

ведливости: «Куда же делся бюллетень, который я сам бросил в урну?!..»

Но главное событие конференции приберегалось к финалу – чтение классика арабской литературы романиста Ханны Мина (род. в 1924 году). В первый день форума знаменитый сирийский писатель ненадолго появился в Аммане, и я его мельком увидела – невысокий пожилой человек, седой, безо всяких черт величия. Приехал и, не объясняясь, вскоре исчез. И на заседании, где предполагалось его чтение, не появился.

Ещё два года назад он огласил своё завещание, и, похоже, не отступает от заявленных принципов, избегая всяческой шумихи. Литературовед Атеф Бутрос, защищавший кандидатскую по творчеству Ханны Мина в Москве, прочитал завещание писателя, и дальнейшие его комментарии были излишними. Разумеется, моё изложение весьма вольное, и всё-таки я попробую передать смысл документа: «Я счастлив, что глаза мои увидели белый свет. В жизни мне приходилось рассчитывать только на самого себя. Я был беден, страдал, долго воевал с несчастьями и победил их. Спасибо Богу за то, что я узнал благодать!.. Я отдал свою жизнь родной стране, творчество и вдохновение – бедным, униженным и оскорблённым».

Прошу, когда я умру, не говорите об этом в прессе и не жалейте меня. Не плачьте, не печальтесь и не носите траур. Я прошу прощения у тех, кому придётся нести моё бременное тело на кладбище – пусть это будут рабочие из похоронной конторы. Не надо панихида и речей: всё, что будут говорить обо мне после смерти, я уже слышал при жизни. Всё моё состояние отдайте родственникам, пусть они разделят его так, как хотят».

До сих пор можно встретить в нашем интернете отзывы тех, кто в детстве прочитал роман Ханны Мина «Парус и буря», хотя книга не переиздавалась у нас с 1985 года. А теперь и вовсе дело застыло – упал интерес к чтению, на русский переводят в основном «коммерцию», ширпотреб.

А как же культура?! Как же всемирная русская отзывчивость да и просто глобализация: чем живёт мир за пределами американских «Макдональдсов» – фабрикухонь быстрого, но нездорового питания. Где вы, сирийские сладости? Где ты, благоухающий и сытный мэнсаф? Где нежнейших хумус, дарующий силы в пути? А где духовная пища с Ближнего Востока? (Ужель мы только еврейскими авторами утешимся? Так по ним и тосковать не надо – они себя в России не обидят.)

Для русского читателя остаётся тайной: что пишет Хала Бадри, египетская романистка? Об этом, конечно, известно нашей знаменитой арабистке-переводчице Валерии Кирпиченко, соавтору двухтомного капитального труда «История египетской литературы XIX–XX веков», но массовый наш читатель лишен выбора – качеством и разнообразием переводной прозы Россия сегодня похвастать не может. А предложение диктует спрос – «нет человека, нет проблемы». Нет в нашем культурном пространстве иорданской романистки Самихи Хрес, хотя парижские и лондонские издания печатают её работы. Так может, и нам стоит присмотреться к этому автору?!

Переводы, переводы... На конференции мы познакомимся с Басемом Зуби – одним из проводников русской культуры в арабском мире. Он перевёл рассказы Куприна, Чехова, Шукшина, Тэффи, пытался понять через Интернет «современную русскую литературу», но вскоре оставил эту затею – найти что-то дельное в развалах сайтов и доменов тяжело, это всё равно, что искать иголку в стоге сена.

Но есть, конечно, и в России сегодня таланты, есть они и в арабском мире. И книги хороших писателей с Ближнего Востока я бы прочла с большим удовольствием, чем творения наших «половых реалистов». В эру информации борьба идёт за душу человека, за время его жизни, за доминирование в его сознании. А вот Ханна Мина решил уйти тихо, не превращать свою кончину в пиар. Настоящий писатель, гуманист и христианин.

(Продолжение следует)

Лидия СЫЧЕВА,
Москва

ПРОЗА. ДЕБЮТ

Есть в человеческой памяти что-то ностальгическое и животрепещущее. Это чувство словно червь грызёт воспоминаниями, и то, какими будут они, — то ли приятной воодушевлённой радости, то ли полны грусти и желания скорого забвения, всё это зависит от самого предмета, который попал случайно, а может и совсем нарочно нам на глаза или в руки, подтолкнёт нашу память к этим воспоминаниям.

День был жарким. Все население огромной страны, страдая от невыносимого летнего зноя, пыталось хоть как-то укрыться от лучей палящего солнца. Не исключением был и я. Валяясь на диване после утомительного рабочего дня, где пришлось битых три часа провести под полуденным солнцем, пытаюсь наладить пышущий жаром и не желающий работать железный агрегат, я лениво щёлкал пультом каналы телевизора. Сейчас никого не удивишь дистанционным пультом переключения. Но в этом действии, когда ты одним пальчиком, а порой и характерным повелительным жестом руки заставляешь телевизор работать на себя, всегда есть какая-то доля релаксации. Она происходит на подсознательном уровне, именно от этого лёгкого движения пальчиком или этого повелительного движения руки, мы понимаем, — работу делают за нас, и это обязательно расслабляет.

Листая каналы, я отбрасывал их словно вырванные страницы тетради: жуткие вечерние сериалы, нудные плаксивые передачи прайм тайма; по спортивному стали крутить кино, что тоже очень меня огорчало, и вот я остановился на новостях местного телеканала. Сюжет за сюжетом — меня потчевали приторной информацией моей малой родины. Скучота, но мысли о жаре подавляли ещё больше. Вдруг разговор пошёл о местном «собирателе значков» или коллекционере, я точно не знаю, как это называется, но точно не филологист, потому что это подразумевает другое, одним словом показывали «собираетелем значков». Неприметный такой дедушка, в прошлом спортивный тренер, с нескрываемым трепетом в голосе рассказывал о своих значках как о тысячелетних артефактах. Рассказывал о том, как порой трудно было найти достойный экземпляр для своей коллекции. Поведал нам о том, как он записал и систематизировал информацию о каждом значке: где, когда и при каких обстоятельствах был приобретён тот или иной экземпляр. Дальше сюжет развился рассказом о месте, где можно приобрести или обменяться значками. И вот тут у меня возникла отличная, как мне на тот момент показалось, мысль: «Если есть такое место, где можно приобрести значки, то значит, там их можно и продать, может быть даже выгодно».

Да, таким образом, я вспомнил про свою коллекцию значков. Тут же я кинулся рыскать по шкафам в поисках старого рыжего портфеля, в котором были уложены несколько полотён с развешенными на них значками. Но портфель не обнаружился. Я пытался припомнить или даже придумать достойное место для такой реликвии, но портфеля нигде не было. И вдруг я вспомнил разговор с матерью. Она, утонув в очередном квартирном ремонте, разбирала шкаф и наткнулась на эти значки.

— Что с ними делать? — был задан вопрос.

— Чёрт его знает, что делать. Выкинуть только что, — ответил я.

— Ну, как же выкинуть, жалко такое выкидывать.

— А ну их, — отмахнулся я, даже не глядя на предмет разговора, — делай что хочешь.

«Неужели выкинула», — думал теперь я, нет, на мать это не похоже. То, что чемодан полетел на мусор это точно, но неужели с ним и значки. Мама в этот момент была с отцом на даче, и мне пришлось дожидаться возвращения домой жены и маленького сынишки с вечерней прогулки. Благо, ждать пришлось недолго, но всё это время было наполнено мыслями о том, что если коллекция не выброшена, есть ли среди железок что-либо ценное и так сказать эксклюзивное.

Тут мне бы очень хотелось добавить, что я не рассматривал вариант — завтра же броситься сдавать эти значки. Просто мне было приятно думать, что у меня тоже есть какая-то коллекция, которая может быть чего-то да стоит, и может быть, когда-нибудь, вдруг срочно понадобятся деньги, и я смогу вот таким образом сдать эти ненужные безделушки, достать на кусок хлеба и накормить семью.

Максим Дубравин

ПОЗАБЫТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Так вот, как только жена появилась на пороге, мой первый вопрос был: не знает ли она где мои значки? Я был просто уверен, что если их не выкинули, то она, как истинная хозяйка и хранительница очага обязательно подскажет, где и что лежит. И, о чудо, — там, в комнате за телевизором, лежит, — был её ответ. Я тут же кинулся в указанное место, где в первой же коробке по характерному звону внутри, я обнаружил искомый объект. Аккуратно раскрыв коробку, я начал вытряхивать содержимое на диван. Старый, помятый пионерский галстук, увидев его, вдруг захотелось повязать на шею, но в глаза бросились замусоленные и потрепанные кончики. Вспомнились моменты школьных переживаний, тогда-то эти кончики и попадали в рот. Сейчас галстук мне казался каким-то маленьким, и я отложил его в сторону. Дальше были два красных ленинских вымпела, тоже помятых и тоже отложенных в сторону. Потом я доставал полотно со значками. Обычные куски грубой материи, разной величины. Я разворачивал их, и вдруг, какой-то трепет обуял меня, по телу бежали мурашки. Я почувствовал себя тем дедушкой, который совсем недавно с блеском в глазах рассказывал о своей страсти. Я смотрел на эти значки с нескрываемым восторгом, и моя жизнь летела перед глазами. Моё отрочество, мои школьные годы.

Вот они три значка, с которых всё и начиналось: маленький пятнадцатикопеечный «Турист» и две бесценки «Юный друг природы России» и «Ударник коммунистического труда». Первый был куплен в ущерб порции мороженого, а два других были вытасканы из пыльной родительской шкатулки. Я думаю, мне простят мою меркантильность и некую щепетильность в последнем описании, но мне кажется, что это важно для дальнейшего повествования, потому как дальше пойдет игра.

Да, мне нужны были эти значки для того, чтобы играть. Каждую перемену, до и после занятий, а порой и во время них мы только и думали, как бы сразиться в значки. Каждый знак имел свою цену. Либо цена была указана с обратной стороны, либо это была так называемая бесценка. Это обычно какой-нибудь значок от организации или посвященный какому-либо событию, в общем, на нём не стояло цены, в киоске их купить было нельзя, но по установившимся негласным правилам цена такого значка была пятьдесят копеек, причём, разницы не было пластмассовая это безделушка, или дедова медаль — цена у любой бесценки была одна.

Так и трясли, в глухих закоулках школы, маленькие детские ладошки жмени значков от пяти, а порой и шести участников. Вы-

бывали об грязный, намастиченный паркет нужный тебе знак, при этом пачкали об этот пол колени брюк. Сколько криков, споров, а порой и слёз — это была страсть. Страсть вернуться домой с двумя оттопыренными карманами брюк школьной формы. Значки колот бедра, но это приятно, это твоя победа. Ты приходишь домой, выворачиваешь карманы и начинаешь перебирать, что идёт на полотно, а что снова в карман — завтра

Максим Дубравин

будет игра. И так каждый день. Количество значков увеличивалось и вот уже одного полотно мало. Я иду к матери и выпрашиваю новый кусок материи.

Эти воспоминания летят в голову, а глаза мои с восхищением переходят от места к месту. Сначала разглядываю группы.

Вот коллекция старых машин. Значки были ходовыми, поэтому и набралось их с десяток. А вот красивейшие значки, рисунок выполнен на тонком стекле, в стиле почтовых марок. «Травам Кавказа» совсем не повезло — стекла наполовину разбиты, но как же хотелось тогда их иметь, и с какой силой я выбивал их, не замечая, что бьются стекла, что летят они во все стороны, и что это уже не значок, а дрянь. Нет, я продолжал бить, ведь это была страсть. А вот космонавтам повезло больше, только Гагарин чуть откололся и у ракеты «Интеркосмос» уголка нет, но Савицкая, Терешкова и ещё одно трио, смотрят, улыбаются.

Сколько вообще тут личностей: Ленин, Островский, Циолковский, снова Гагарин, десять раз Ленин, Репин, Дед Мороз, Святогор, а вот и Рихард Зорге. Боже мой, сколько я прочитал о тебе и о твоих подвигах, я восхищался твоим талантом и острым умом, твоим сложным, но таким отважным жизненным путём, в каком-то смысле ты стал для меня кумиром. Я смотрю в твоё сосредоточенное лицо, суровый взгляд твой впивается в меня, словно с некой укоризной. НЕУЖЕЛИ ЗА ТО? За то, что выбивал твой лик в поисках поживы? Разве мог я тогда бесшабашным мальчуганом знать, кто ты и какова твоя роль в истории моего государства. Нет, ты простишь мне, ты слишком умён, что бы суметь понять, что за страсть жила в том глупом мальчишке. И вот я вижу, как взор твой теплеет.

Комсомольский, пионерский, октябрятский, сколько раз вы срывались с груди как последний заклад, как последняя ставка (нет, вру, комсомольский никогда не срывался, в том возрасте глупо было бы тратить время на такого рода глупости, но то, что и он бывал в ставке — это точно). А сколько тут посвящений съездам, партии, Великой Победе, 8-му Марта.

Вдруг вспоминаю, как мой отец, узнав об увлечении сына (конечно, родители не догадывались, каким образом доставались мне значки) дал мне в коллекцию один экземпляр. Он снял его со своего парадного кителя, это был его знак лётчика первого класса.

— Смотри, — сказал он мне, — я хоть сейчас выброшу все свои медали, но этот самый дорогой для меня, так что храни.

Я с гордостью принял его, но разве можно рассказать о таком друзьям, это нужно показывать. И вот я цепляю на одно полотно всё

самое дорогое и красивое. В середине папин знак, вокруг него коллекция из четырёх медалек посвященных подводным лодкам времён Великой Отечественной войны, ну а дальше идёт всё остальное. С гордостью я показываю свою коллекцию, вижу, что меня завидуют, предлагают поиграть. Но играю я только на то, что в кармане.

И надо же, к обеду случается, что надо куда-то бежать. С портфелем неудобно и я как всегда забрасываю его за старый железный шкаф, что одиноко стоит в коридоре школы. Но перед тем как уйти, что-то меня останавливает. Я вновь достаю свой портфель, снимаю папин знак, и уже ни о чем не думая иду с друзьями. Возвратившись я не нахожу своего портфеля на месте. Меня трясло от отчаяния, но каждый раз я доставал папин значок целовал его и это меня успокаивало. Портфель я нашел в ленинском саду в кустах сирени. Конечно же, значков там не оказалось. Жалел я только о потерянных подводных лодках. Очень редко эти медальки были в игре, а в киоске цена была тридцать две копейки за штуку. Для школьника рубль двадцать шесть — это целое состояние. Но мне удалось все же отбить одну «Щуку». Ну всё, думал, вновь соберу полную версию, и даже умудрился (помню, с дрожащими руками, протягивая мелочь) купить одну медальку с самой редкой серии остановилось в этой серии остановилось. Так и висят они теперь рядышком потёртая в боях «Щука» и блестящая, новенькая «Малютка».

Но я не останавливался и трофеи вновь и вновь пополняли мою коллекцию. Корабли, машины, птицы, звери. Города Москва, Муром, Одесса, Новороссийск, Краснодар, даже Джубга, есть и, конечно же, Севастополь. Памятники архитектуры, космос, туризм, география, а сколько тут отличников социалистических и ещё всякого рода соревнований. И самый главный мой приз — старая, гнутая и потёртая медная «Гвардия». Однажды, выиграв её, она тут же отошла в коллекцию. Я сожалел тогда — у других если есть, то новенькие и блестящие, а у меня какая-то замухрышка, да ещё и с поломанным креплением. Я тогда занялся её реставрацией: бумагой и клеем был придан болт с гаечкой для крепления, а знамя и звезда выкрашены в красный цвет маминым лаком для ногтей. Конечно, у меня не получилось желаемого блеска, но сейчас эта мятая, выгоревшая «Гвардия» становится мне ещё дороже. «Чья ты? — несутся мысли при взгляде на неё. — Быть может воина-афганца, а может даже и фронтовая, полученная за Сталинград или Курск, дошедшая до Днепра и там затерянная на берегах великой реки. Потом кем-то выкопанная из земли, и так жалко пошедшая по рукам. Я смотрю на тебя и чувствую твою силу, я сохраняю тебя, чью бы грудью ты ни покрывала: фронтовика ли, а может воина-интернационалиста, быть может, лётчика, разрезавшего своим МиГом небо Вьетнама, а может просто солдата-срочника. Я сохраняю тебя, как хранит память народа нерушимый подвиг солдата, ибо я предан этому подвигу, подвигу воина-гвардейца, ибо я знаю, чем он оплачен».

Рядом газует жена. Она восхищена и даже приглядела себе кое-что вроде брошки. Маленький сынишка тут же топчется по дивану и всё норовит влезть в значки. Я берегу его, ещё наколет свою розовую ножку.

Я рассказал жене о своих первоначальных мыслях. Она смеётся:

— И ты отдал бы это за три тысячи?

— Нет, сейчас бы и за десять не отдал, пусть лежит, ведь это моя память.

Да, это есть моя память. Сколько сланных и не очень воспоминаний вдруг всплыло из глубин моего сознания при взгляде на значки. Я слышу, как радостно бьётся сердце, и ещё очень долго разглядываю забытую красоту. Потом аккуратно всё складываю обратно, с чувством, что завтра достану их снова.

А туда, где торгуют значками, я всё же загляну, быть может, что-нибудь прикуплю для своей коллекции...

ЮБИЛЕЙ

ПУТЬ К ПРИЗВАНИЮ

Оглядываясь в прошлое, я с теплотой вспоминаю проектный институт, где когда-то работала с Борисом Тимофеевичем Бендерюком, впоследствии ставшим литературным консультантом Краснодарского отделения Союза писателей России...

Наш электротехнический отдел был самым веселым, творческим и неистощимым на выдумки. В ту пору

нам было по тридцать с небольшим – время карьерного роста и здоровых амбиций. Борис занимал достаточно высокую должность главного специалиста отдела, и его все любили за скромность, тихий нрав, за высокий интеллект, который он никогда не выставлял напоказ.

В то далекое время книги были большой редкостью. То есть, все книги, а самые интересные: русская и зарубежная классика, исторические романы, хорошая современная поэзия и проза, не говоря уже о детективах, фантастике и приключенческой литературе... Любители книг старшего поколения, конечно, помнят очереди у пунктов приема макулатуры. За 20 килограммов ненужной бумаги давали талон, по которому можно было купить Пикуля, Драйзера, Стивенсона, Дюма... Книги были предметом вожделения всех, даже тех, кто их сроду не читал. Мы бредили ими... Клянчили в архиве списанные проекты, чтобы потом сдать их за талон, менялись талонами, занимали очереди в магазинах, и даже иногда покупали редкие издания за бешеные деньги у спекулянтов... У каждого из нас была своя небольшая библиотека. Но у Бориса... Это была не просто коллекция книг, а диво дивное! Проектировщики, побывавшие у него в гостях, потом с дрожью в голосе рассказывали об огромном книжном стеллаже во всю стену до потолка, сверкающем золотом корешков, словно иконостас... Чего только не было в этой сокровищнице!

Наши шутники тут же сочинили историю, будто Борис, чтобы никому не давать свои книги, сверлом просверлил в них дырки и сквозь эти отверстия протянул веревку. Поэтому их нельзя снять с полки. Конечно, это была выдумка в духе нашего отдела... Книги Бендерюка мы все с удовольствием читали, и он в этом никому не отказывал. Все допытывались, откуда у советского инженера взялись средства на такую необычайную роскошь? Но потом мы разобрались, в чем дело. Практически все его сверкающие золотом редкостные фолианты были заново... переплетены. Старые, рассыпавшиеся книги, доставшиеся ему еще от дедушки, он бережно складывал по страничкам и относил к знакомому переплетчику, великому мастеру своего дела.

Трепетное отношение к книге Борис сохранил на всю жизнь. Он и сейчас берет в руки книгу с величайшей осторожностью, словно живое существо. А какое великое множество книг он прочитал, сколько «крылатых слов» запомнил наизусть!

«Чувство слова»... Что же оно

все-таки означает? Не связано ли оно, кроме всего прочего, с отношением к человеку, с тем врожденным чувством такта, которое не позволяет «ради красного словца» обидеть кого-то, даже мимоходом? Борис шутил редко, но его шутки были изящнее и потому смешнее, чем у наших задытых остряков. Он умел выбирать нужные слова не только в разговоре, но и на бумаге. Мы долгое время ничего не знали о том, что в молодости Борис сотрудничал с газетами «Комсомолец Кубани» и «Советская Кубань», что он пишет стихи и прозу, что когда-то мечтал поступить на факультет журналистики.

Жизнь есть жизнь... Сложилось так, что, после службы в Советской Армии, он окончил экономический факультет Кубанского сельхозинститута и стал инженером. Но призвание трудно обмануть. Рано или поздно, оно напомнит о себе и властно позовет за собой. Так получилось и с Борисом...

В «смутное время» перестройки тысячи инженеров потеряли работу, в том числе я, мои друзья из электротехнического отдела, и, конечно, «Атос». Тяжело было, что и говорить... Однако некоторым из нас довелось ощутить на себе справедливость русской народной мудрости: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Кто-то обнаружил в себе талант коммерсанта, кому-то удалось найти работу в частной проектной фирме, а кто-то с головой погрузился в творчество.

В 2004 году Борис... нет, уже Борис Тимофеевич, впервые переступил порог Краснодарского отделения Союза писателей России. Он не претендовал на писательский билет, хотя к тому времени у него уже накопилось немало статей и очерков. Бендерюк стал литературным консультантом по прозе и успешно проработал в Союзе более пяти лет. Он совмещал свою основную работу с должностью ответственного секретаря газеты «Кубанский писатель», одновременно занимался литературной деятельностью: публиковался в газетах «Литературная Кубань», «Рассвет» и других изданиях... К Борису Тимофеевичу постоянно обращались за консультацией начинающие кубанские прозаики, не только из Краснодара, но из разных городов и станиц нашего края.

«Восток – дело тонкое», – говорил герой известной комедии... Но не менее тонкое и деликатное дело – разбор рукописи. Тут нужно быть не только хорошим редактором, но и психологом, и даже педагогом. Нужно уметь поговорить с человеком так, чтобы он не ушел подавленным, даже если ему явно дали понять, что его произведение пока никуда не годится. Зато как радостно светились глаза автора, когда Борис Тимофеевич отмечал его несомненную творческую удачу! Редактор подобен врачу: от одного общения с ним автору должно становиться лучше. Кроме того, он должен уметь хранить «врачебную тайну». Никогда никому не рассказывал Бендерюк о своей редакторской работе, не ставил себе в заслугу ни исправленные огрехи, ни тем более успех уже вышедшей книги.

Оставив работу литературного консультанта, Борис Тимофеевич Бендерюк продолжает поддерживать творческие отношения со многими кубанскими авторами, помогая им профессиональным советом, кропотливой и вдумчивой правкой, просто добрым словом... Ему продолжают писать письма, звонят, присылают рукописи... Думаю, что все они присоединятся к нашей газете и вместе с нами сердечно поздравят его с 65-летним юбилеем!

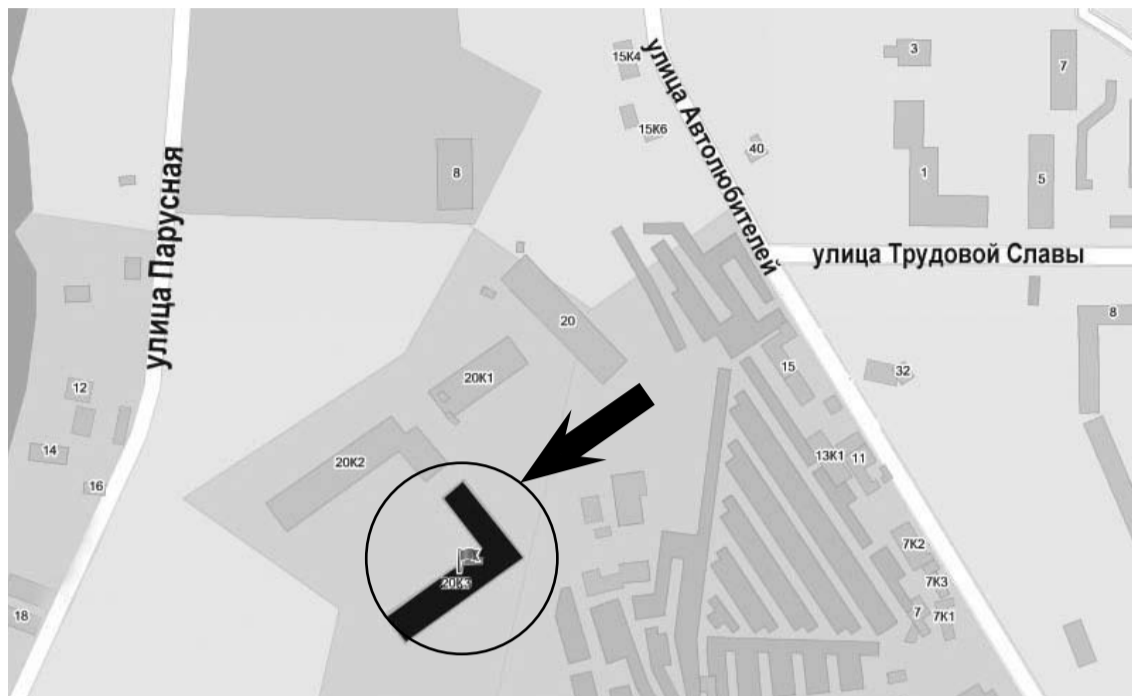
Людмила Хоруженко

ВНИМАНИЕ!

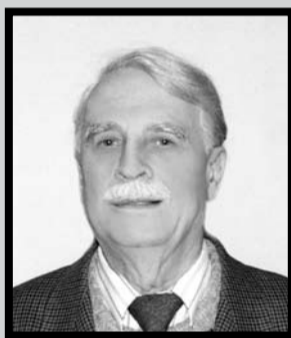
Схема проезда к офису Краснодарского краевого отделения Союза писателей России.

Адрес: улица Парусная, 20/3

Проезд троллейбусом № , маршрутным такси №

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

После тяжёлой, продолжительной болезни ушёл из жизни Виталий Петрович Бардадым, член Союза писателей России, собиратель истории родного края, краевед. Кубань понесла тяжёлую невосполнимую утрату. Творчество Виталия Бардадыма, его огромный многолетний труд вернули миллионам кубанцев утраченные имена многих выдающихся деятелей и радителей родной земли, воскресили события прошедших веков. Писатель воссоздал историю Екатеринодара.

Виталий Петрович родился 24 июля 1932 года в Краснодаре в семье потомственных казаков. Не окончив школу, был призван в армию в ВМФ (1951–1955 гг.) в Севастополь. Совмещая службу с учёбой, окончил 10-й класс вечерней школы. Демобилизовавшись, работал техниконструктором и заочно окончил Ленинградский электротехнический медицинский техникум.

Печататься начал в 1966 году в краевых газетах, альманахе «Кубань», «Литературной России», «Литературной Украине», «Неделе» и др. В серии ЖЗЛ опубликовал очерки «Кубанские казаки» (герои Шипки, 1979) и «Первые черноморцы» (Прометей. Т. 13. 1983).

Много лет ходил по екатеринодарским дворикам. Ездил по казачьим станицам, разбитым кубанским монастырям, встречался со старожилыми и собирал живую историю Кубани. Занимался в архивах Краснодара, Москвы, Санкт-Петербурга...

С 1974 года в периодике стали печататься его очерки о Екатеринодаре, а спустя 4 года вышла первая книга «Этюды о прошлом и настоящем Краснодара».

Он составитель избранных произведений классиков кубанской литературы, впервые изданных в Краснодаре: Н. Каневский «На вершок от счастья» (1992), А. Пивень «Торба смеха и мешок хохота» (1995), Н. Вишневецкий «Исторические воспоминания» (1995), Дм. Аверкиев «Избранное» (1996).

Виталий Петрович Бардадым лауреат премии администрации Краснодарского края в области культуры и искусства имени К. В. Россинского (1995), почётный гражданин города Краснодара, почётный член Союза архитекторов России, награждён медалью за заслуги в развитии Кубани II степени.

Виталий Петрович пользовался огромным уважением коллег по перу. Писатели ценили его пылкий ум, его удивительную работоспособность и ответственность за каждое написанное им слово. Светлая память о В. П. Бардадыме навсегда останется в наших сердцах.

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

«Книгуру» в Краснодаре

В Краснодарской краевой детской библиотеке имени братьев Игнатовых 25–27 октября прошёл цикл мероприятий «Кубань открывает книги для подростков». Мастер-класс для студентов Краснодарского университета культуры и искусств провела Ксения Александровна Молдавская, литературный критик, составитель каталога «100 новых книг для детей и подростков», Москва.

В пресс-конференции, в которой приняла участие и кубанские писатели С. Н. Макарова, В. А. Архипов, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, К. А. Молдавская рассказала о новом проекте – национальном конкурсе на лучшее произведение для подростков «Книгуру», призванном объединить культурное пространство и помочь нашим детям «выбирать хорошее из лучшего». Ведь именно мнение детского жюри будет решающим

в определении лауреатов.

Тексты будут представлены в Интернете, а первый тур отбора пройдёт в Орлёнке. В гости к ребятам придут писатели, авторы школьных повестей, психологических повестей о подростках, познавательной литературы.

Для более активного сотрудничества выбраны три региона страны, удалённые от центра. Организаторы конкурса, а в их числе Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Центр славянских общественных коммуникаций, надеются, что именно в этих регионах вырастет интерес к книге, укрепится активная культурная позиция.

Между тем, детское книгоиздание переживает не лучшее времена. Катастрофически упали тиражи книг. Заметен рост ярких поделок, рассчитанных на малообразованную, невзыскательную читательскую

аудиторию, с чем невозможно согласиться!

Присутствовавшие на пресс-конференции читатели, школьники и студенты краснодарских колледжей не остались в стороне от разговора. Вот лишь несколько пожеланий ребят для писателей и критиков:

— Мы ждём книг, обучающих нас жизни, рассказывающих о людях интересных профессий.

— Современной литературе не хватает тепла и доброты.

— Познавательная литература должна быть занимательной!

— Обязателен хороший язык и позиция автора. Писатель должен знать, о чём он пишет.

И все присутствующие были солидарны в том, что книги для юношества должны формировать жизненную позицию подрастающего поколения, укреплять юные сердца духовно и нравственно.

СОБИНФО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЗАПАСНИК

ОКО

«Не доглядишь оком, доплатишь боком» – говорили наши предки. Одноглазие считалось недобрим знаком, как и любой физический недостаток, так как он связывался со злом. Об этом упоминали древнегреческие мифы о циклопах. Помните встречу Одиссея и его товарищей с одноглазым Полифемом? А есть ещё русская сказка о Лихе Одноглазом! Плиний рассказывал об одноглазых существах, он их называл *аримаспами*: они ловко похищали золото у диких птиц, грифонов.

«Всевидающее око – промысел Божий» – об этом знали древние народы, изображая око в лучах среди треугольника, как символ всеведения. Ювелиры называли камень из рода опалов (гидрофан или «кошачий глаз») «Око Мира». Все это говорит, какое важное место занимал глаз, око, в сознании древних людей, помимо понимания, что это – естественный зрительный орган. Да и сейчас мы не далеки от подобных убеждений, придавая современному символизму, связанному с понятием слова «глаз», достаточно много внимания: бдительность, ясно-видение и всеведение, разум и дух. Мистики верят в наличие у человека «третьего» глаза, способного придать человеку божественное предвидение, гениальную прозорливость.

Этимология слова «око» уходит в глубь веков, в Рим: «*око*» с лат. – *oculus*. В описаниях римских древностей есть упоминание об «окулсе», устроенном в куполе Пантеона, бывшем античном храме. Храм возведен Агриппой Марком Випсанием (63–12 гг. до н.э.), влиятельным военачальником и другом Августа, перестроен по приказу императора Адриана в начале II столетия (н.э.). На вершине свода, выполненного из монолитного бетона, зодчие впервые в истории античной архитектуры устроили т.н. «окул», отверстие диаметром в 8,5 метра! Это был единственный, но вполне достаточный источник освещения помещений огромного здания Пантеона. Внутренний диаметр круглого по форме зала составлял 44 метра, без единой подпорки. Опорные стены его имели толщину почти 7 метров, выложенные кирпичом, потолок огромного портика был облицован бронзовыми пластинами такой толщины, что когда папа Урбан VIII однажды распорядился снять их по надобности, то из пластин отлили 120 пушек, и еще осталось, чтобы покрыть балдахин алтаря в храме Св. Петра там же, в Риме! Кессонный свод из монолитного бетона, вдававшийся внутрь здания и начинавшийся на вершине стены, с отверстием для внутреннего освещения, *окулом*, представлял вершину римской инженерной мысли.

Помимо слов, происходящих от *oculus*, вроде «окулист» (офтальмолог), «окуляр», есть еще «окулировка» – один из общепринятых способов вегетативного размножения растений. При этом на *подвой* (обычно это дичок) прививается почка («глазок») – *oculus* культурного сорта – в этом случае из дикого саженца развивается культурное растение.

Ведущий рубрики
Анатолий Ильяхов

Поэзия

Жанна Цикало

ПЕРЕЛЕСОК ДЕТСТВА

Аромат благоуханный
Ощущаю за версту.
Да, не ты ли, край желанный
Влил мне в душу красоту?

Сыч в ночи, шурша крылами,
Пролетит над головой.
Хвост мелькнет перед глазами
Белки рыже-голубой.

Лес одет, как в час венчальный,
В чудо – лунную фату.
Ночь лиловым сарафаном
Прикрывает наготу.

РАДЕТЕЛИ ДЕРЖАВЫ, ГДЕ ВЫ?

Не в радость летняя пора.
Вокруг сплошные катаклизмы:
То затопление, то жара –
Как Божий суд, как укоризна.

Горят деревни и леса,
Горит Центральная Россия.
Воздвехи руки к небесам,
Толпа народа голосила.

Нагоревалась на веку
Изнемождённая глубинка.
Сегодня – в поле, на току,
На завтра – ей уже поминки.

Давайте честь ей воздадим
За все заслуги трудовые.
Разорены деревни в дым,
Ушли обманом паевые.

Оплакать некому её,
Исчезли добрые посева,
Лишь тучей кружит воронья.
Радетели державы, где вы?

Деревню чтить бы высоко,
За трудовую жизнь воспеть бы.
За хлеб, за мясо, молоко
Сказать спасибо ей успеть бы.

В романах славить да в стихах,
Исчезнувшим, им, по закону
Поставить стелы в городах,
Всех перечислить поименно!

БАЛЛАДА О ЛОМТИКЕ ХЛЕБА

Мне, признаться, года тридцать два
Не давал покоя этот случай:
Над столом склонилась голова,
На щеке – след от слезы горячей.

Хлеб лежал пайком блокадных дней
На салфетке, что белее снега.
Поминала мать своих детей
Посреди чудовищного века.

Город над Невою был в кольце:
День и ночь под вражеским прицелом.
Смерть на каждом скалилась крыльце,
Занята своим привычным делом.

Каждый миг людей сбивая с ног,
В их мученьях находя утладу.
Невесомый суточный паёк
Был дороже золота в блокаду.

В голод и в мороз под тридцать пять
Судорога сводит от работы.
И дрова, как жизнь, – их негде взять.
Без конца воздушные налёты.

От шагов неспешных – снега хруст,
Катафалка сонное шуршанье.
Взгляд погасший отрешён и пуст –
Мать дитя хоронит утром ранним.

Да простят усопшие живым,
Обессиленным да истощённым.
В лихолетье всем досталось им,
Всем, как есть, на гибель обречённым.

Очередь за хлебом далека –
Перед носом кончилась раздача.
Безнадёжно дрогнула рука,
Под лохмотьями худобу пряча.

Вновь сирены леденящий вой
Горожан по катакомбам гонит.
Нет воды сегодня питьевой –
День бомбят, а на другой – хоронят.

И глазницы чёрные окон
Призраком повисли на руинах.
Слёз не видно, и не слышен стон –
Тихо умирающих, невинных.

Тихвин занят, а в обход озёр –
Двести километров бездорожья.
Хрупок лёд и хлебный коридор
В Ленинград был чрезвычайно сложным.

Город выживал ценой потерь,
Ленинградцев иссякали силы.
Злобствовал, неистовствовал зверь,
Роя жертвам каждый день могилы.

Враг разбит, раздавлена броня,
Рухнул Барбаросса, план армады.
Разомкнулась Гитлера клешня
Долгой и мучительной блокады.

Много утекло воды с тех пор –
Упаси нас от напасти, Боже:
Не упрёк, не злоба, не укор –
Память неизбывно душу гложет.

Хлеб лежал пайком блокадных дней
На салфетке, что белее снега.
Поминала мать своих детей
Посреди чудовищного века.

Я – ПАМЯТЬ

Я – память фронтовых далёких дней.
Иду Аллеей Славы Тимашевска,
Где в обелисках, памятниках, фресках
Бессмертие отцов и сыновей.

Герои, сил и жизни не щадя,
Собою закрывали жерло ада –
Свинцово-раскалённого каскада:
Шального ветра, чёрного дождя,

Я – память, что надежду берегла
Не веря горестным вестям, с мольбойю
Смотрела вдаль с печалью и тоскою –
Сынов ждала – дожждаться не смогла.

Я – память, что покоит след войны:
Замученных и заживо сожжённых,
В концлагерях на гибель обречённых,
И многих тех, что были казнены.

Я – память, где войны последний звон
Бил рикошетом по живым мишеням.
Взлетая по рейхстаговским ступеням,
Победой путь нелёгкий завершён.

Фашистам на бесславье стыд и срам,
На Красной площади в Парад Победы
Штандарты, что несли нам зло и беды,
Брезгливо были брошены к ногам.

Я – память, что незримо слезой
Застряла комом в горле ветерана.
Войны чудовищной залечивая раны,
Он всё ещё во снах уходит в бой.

Я – память, в искрах вечного огня.
Дань приношу минутою молчанья,
Потомкам нашим заклинанье –
Храните радость завтрашнего дня!

Наталья Бедная

***
Бурлящим потоком
прорвалось сомненье,
Срезая под корень
любви наважденье.
Надёжного русла
сломало причалы,
Размыло мой берег...
Душа не смолчала!
О камень у моря
разбилась сомненье.
С собою не спорю.
Молюсь о спасенье.

ЛАВАНДА

В полумраке — бледный свет
веранды,
Летний дождь уныло моросил...
Ты принёс мне веточку лаванды,
А взамен улыбку попросил.

Дождь идёт, но я его не слышу,
Тает в аромате моя грусть,
Вечер опускается на крышу...
Счастье запоздало? Ну и пусть!

ЛЕТНЕЕ УТРО

Бодрящая свежесть
впорхнувшего дня
От крепкого сна пробудила меня.
Раскрыты все окна.
Колышется тюль,
Впуская ромашковый знойный
июль.
А ты ещё спишь, улыбаясь во сне...
И эти минуты так дороги мне!

ОЖНАЯ ОСЕНЬ

В белое облако кутая плечи,
Осень картины сменять не спешит.
Словно прощаясь,
стрекочет кузнечик.
Весь паутиной окутан самшит.
Сонно по камню ползут две
улитки.
Астрами соткан ковёр голубой.

Ветром внезапно открыло калитку.
Не надыхаться мне, осень, тобой.

* * *
Теченьем уносит
охапку душистого сена...
Стою на крутом берегу.
Облака словно пена.
Взлететь бы над речкой
И птицей парить в поднебесье!..
Но держит земля.
И не спета ещё моя песня.